

щи, да я и не помню в себе таких замашек. Я, вероятно, говорил только то, что я не из тех, кто бегают за издателями и кого можно брать голыми руками. «Вы сохранили эту привычку, — пишете Вы, — и она сказалась в Ваших двух последних письмах». А я Вам повторяю, что у меня даже не было никогда такой привычки, так что сохраниться она никак не могла, да если бы и была, то никак не могла сказаться в письмах к Вам. В доказательство своих слов Вы приводите две мои вины: 1) я назвал цену Вашего издательства низкой, 2) я свою уверенность (м. б., и ошибочную) в том, что моя книга в переводе может иметь успех, хотел доказать Вам отзывами о моих последних писаниях. Но помилосердствуйте Бога ради! Неужели сказать кому-нибудь: «нет Вы даете дешево» — значит «третировать свысока?» Неужели сказать в коммерческом разговоре: «Мне кажется, мол книга будет иметь успех, так как ее хвалили вот так-то и так-то» — значит «третировать свысока». Издавая книги в России, вы и сами публиковали иногда отзывы печати о них. Кого Вы «третировали свысока» тогда?

О всем прочем спорить не буду: я, по-Вашему, надменный человек — прекрасно; я, по-Вашему, кичусь тем, что я академик — покорно благодарю; Вы иронизируете над академиками — воля Ваша, хотя я-то лично не вижу беды быть академиком — и Толстой был академиком; Вы говорите, чтобы я избавил Вас от сообщений, что я чувствую, будучи беженцем, и какие мои материальные обстоятельства, — простите, больше не стану. Повторяю — весьма удивлен и огорчен Вашим письмом. Поздно отвечаю по нездоровью.

Ив. БУНИН

V

[конец 1920]

1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI,

Дорогой Евгений Александрович, я не ответил Вам на Ваше последнее (еще осеннее) письмо потому, что получил его уже будучи тяжело больным, хотя еще на ногах, а затем слег и лежал месяца 1½ едва живой, — буквально: было столь долгое и сильное кровотечение (геморрой), что была самая серьезная опасность для моего земного бытия. Естественно, что и поправлялся я весьма медленно, да и теперь еще слаб. Вот значит в чем причина моего молчания, и я не хотел бы, чтобы Вы объяснили его себе иначе. Вчера узнал от Бальмонта, что Вы собираетесь в Париж. Очень рад, до свидания.

Ваш Ив. БУНИН

VI

(Париж конец 1920).

Сердечно обнимаю и благодарю Вас, дорогой Евгений Александрович. С праздниками, с Новым Годом!

Ваш Ив. БУНИН

VII

1/14 VII 1924
Грасс.

Дорогой Евгений Александрович, я писал Вам особенно любезно, желая подчеркнуть, что я не помню о прошлом, но, увы, кажется, опять начинается то же самое... «Опыт мне показал, что для Вас все издатели недруги, поэтому отказываюсь ценить Ваше творчество, ожидаю эту оценку от Вас — твой товар, твоя и це-